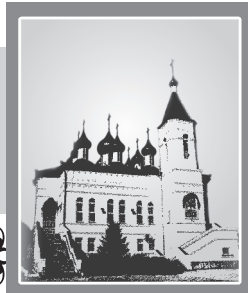

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Есть публично произнесенные речи, значение которых выходит далеко за рамки момента и непосредственно слушающей аудитории. Например, речь Достоевского на открытии памятника Пушкину. Или сформировавшая на весь период Холодной войны отношения Союза и Запада Фултонская речь Черчилля. Сюда же относятся знаменитые речи Цицерона против Катилины, когда прозвучало: «О времена, о нравы!» Безусловно, список может быть расширен до весьма странного. Одной из таких речей является и речь Солженицына, произнесенная им в Гарварде в июне 1978 года. Здесь писатель проявил себя как проповедник и обличитель язва общества в духе Иеремии, и был услышан.

Американцы изучают эту речь, растагивают на цитаты и по частям заучивают наизусть. Не все, конечно, американцы, а те, кто профессионально интересуется связью истории и современности или осваивает политологию. Целый ряд положений, высказанных тогда Солженицыным, не только не утратил актуальности, но, как выдержанное вино, лишь приобрел вкус и подтвердился новыми фактами. К тому же сказанное в 80-х годах прошлого века о Западе далеко не во всем относилось к нам. Зато теперь, в изменившейся с тех пор реальности, обозначенные болевые точки известны нам как по «их нравам», так и по собственным нашим новейшим болезням, в виде заразы переползшим через обломки рухнувших барьеров. Итак, не будем хуже американских политологов и историков. Что он там сказал, Александр Исаевич, в далеком уже 1978-м?

Он начал речь с того факта, что Запад высокомерно отказывается от понимания прочего мира. Запад издавна уверен, что «всем обширным областям нашей планеты следует развиваться и доразвиваться до нынешних западных систем, теоретически наивысших». «И страны оцениваются по тому, насколько они успели продвинуться этим путем». Кто плохо продвинулся, те, по-видимому, либо «удерживаются злыми правителями», либо погружены в варварство. И тут между строк читаются слова, которые Солженицын не произносит, но которые мы видим в сводках свежих новостей. Варваров ведь нужно просвещать для их же блага, а злые правительства свергать при помощи революционного экспорта демократии. Таков вывод, почти неумолчный, из западной самоуверенности и односторонности. Но это грубая ошибка, коренящаяся в непонимании Западом иных миров, которых много, которые не поддаются исчерпывающему пониманию, если к ним подходить с западными мерками.

И далее лектор приступает к анализу жизни в западных демократиях, как он это видит. Он словно говорит: вот, вы нас не понимаете. Не понимаете ни во взлетах, ни в падениях. Не понимали при Царе, продолжаете не понимать и при Советах. Зато мы вас понимаем. Нам понятны ваши успехи и ваши проигрыши. И поскольку пришел он не хвалить, а лечить, то первый диагноз звучит так — «упадок мужества». «Мужество потеряло целиком все общество». Нет, есть множество храбрых и мужественных военных, спортсменов, горноспасателей, нефтяников и прочее. Но в целом в обществе Солженицын видит мягкотелость, болтовню, расслабленность, неслыханный избыток комфорта, никак с мужеством не ассоциирующиеся. Это как Рим, оставивший республиканскую строгость, и впавший в имперское чванство и рыхлость. Косим глазом в свежие новости — все так и есть. Оттого и нынешний президент России стал самым ярким политиком современности, что мужские качества — терпение, анализ, точность формулировок, власть ума над чувствами и многое другое — резко выделяют его на фоне европейских политических элит.

Далее. Столпы западной жизни, столпы, на которых все держится, — это свобода и закон. Человек свободен от рождения. Об этом говорят все базовые декларации. И человек стремится к счастью, а помогает ему в этом строгое следование законам. Такова душа Запада в двух словах. Свобода и закон. Свобода, по возможности, безграничная, и лега-

лизм, как правило, беспрекословный. И мало кто видит, чувствует, что свобода и легализм находятся в непротиворечии. Или сформировавшая на весь период Холодной войны отношения Союза и Запада Фултонская речь Черчилля. Сюда же относятся знаменитые речи Цицерона против Катилины, когда прозвучало: «О времена, о нравы!» Безусловно, список может быть расширен до весьма странного. Одной из таких речей является и речь Солженицына, произнесенная им в Гарварде в июне 1978 года. Здесь писатель проявил себя как проповедник и обличитель язва общества в духе Иеремии, и был услышан.

Американцы изучают эту речь, растагивают на цитаты и по частям заучивают наизусть. Не все, конечно, американцы, а те, кто профессионально интересуется связью истории и современности или осваивает политологию. Целый ряд положений, высказанных тогда Солженицыным, не только не утратил актуальности, но, как выдержанное вино, лишь приобрел вкус и подтвердился новыми фактами. К тому же сказанное в 80-х годах прошлого века о Западе далеко не во всем относилось к нам. Зато теперь, в изменившейся с тех пор реальности, обозначенные болевые точки известны нам как по «их нравам», так и по собственным нашим новейшим болезням, в виде заразы переползшим через обломки рухнувших барьеров. Итак, не будем хуже американских политологов и историков. Что он там сказал, Александр Исаевич, в далеком уже 1978-м?

Он начал речь с того факта, что Запад высокомерно отказывается от понимания прочего мира. Запад издавна уверен, что «всем обширным областям нашей планеты следует развиваться и доразвиваться до нынешних западных систем, теоретически наивысших». «И страны оцениваются по тому, насколько они успели продвинуться этим путем». Кто плохо продвинулся, те, по-видимому, либо «удерживаются злыми правителями», либо погружены в варварство. И тут между строк читаются слова, которые Солженицын не произносит, но которые мы видим в сводках свежих новостей. Варваров ведь нужно просвещать для их же блага, а злые правительства свергать при помощи революционного экспорта демократии. Таков вывод, почти неумолчный, из западной самоуверенности и односторонности. Но это грубая ошибка, коренящаяся в непонимании Западом иных миров, которых много, которые не поддаются исчерпывающему пониманию, если к ним подходить с западными мерками.

И далее лектор приступает к анализу жизни в западных демократиях, как он это видит. Он словно говорит: вот, вы нас не понимаете. Не понимаете ни во взлетах, ни в падениях. Не понимали при Царе, продолжаете не понимать и при Советах. Зато мы вас понимаем. Нам понятны ваши успехи и ваши проигрыши. И поскольку пришел он не хвалить, а лечить, то первый диагноз звучит так — «упадок мужества». «Мужество потеряло целиком все общество». Нет, есть множество храбрых и мужественных военных, спортсменов, горноспасателей, нефтяников и прочее. Но в целом в обществе Солженицын видит мягкотелость, болтовню, расслабленность, неслыханный избыток комфорта, никак с мужеством не ассоциирующиеся. Это как Рим, оставивший республиканскую строгость, и впавший в имперское чванство и рыхлость. Косим глазом в свежие новости — все так и есть. Оттого и нынешний президент России стал самым ярким политиком современности, что мужские качества — терпение, анализ, точность формулировок, власть ума над чувствами и многое другое — резко выделяют его на фоне европейских политических элит.

Далее. Столпы западной жизни, столпы, на которых все держится, — это свобода и закон. Человек свободен от рождения. Об этом говорят все базовые декларации. И человек стремится к счастью, а помогает ему в этом строгое следование законам. Такова душа Запада в двух словах. Свобода и закон. Свобода, по возможности, безграничная, и лега-

Слово пастыря

неслыханный. Власть газетчиков простирается вплоть до Уотергейта, то есть до смещения президента! Тем не менее эту священную корову Солженицын чуть ли не ведет на убой, утверждая, что молоко у нее отравленное. Где, — спрашивает он, — у газетчиков ответственность перед читающей публикой или перед историей? Искатели, сместили пропорции, грубо ошиблись в прогнозах, а известны ли случаи публичного раскаяния? Нет, ибо это подорвало бы продажи. Газетные полосы полны слухов, догадок, опрометчивых, незрелых суждений, которые никогда не будут опровергнуты, но осядут в памяти масс. Все так, и недавний «црсеб» с прогнозами о победе Хиллари не вызвал ни суицидальных попыток, ни отставок и извинений. «Акулы пера», давно изловившиеся до точки, даже не покраснели. Переобулись в воздухе. Очевидно, это не только американская болезнь. И мы с ней знакомы не понаслышке.

Медиа создают геростратову славу террористам (Бен Ладен, ИГИЛ — все на слуху, в 1990-х — наши бандиты и террористы), разглашают оборонные секреты, вмешиваются в личную жизнь известных лиц (примеров не счесть). Всюду наглость, поверхностность и поспешность. Все психические болезни XX века выражены, по Солженицыну, в прессе. Глубина ей противопоказана. Нужны лишь сенсационные формулировки. Прессой брошен ложный лозунг: «все имеют право всё знать». Ложный лозунг, ибо есть высшее, утраченное ныне «право не знать», не забывать своей божественной души «сплетнями, суесловием, праздной чепухой». Сама свобода прессы мнима. Медиа хорошо чувствуют ветер века, то есть общее направление симпатий, и действуют скорее унифицированно, нежели соревновательно.

Это явольно переказываю мысли Солженицына. И не знаю, как вам, а мне сдается, что он, как дантист, расчистил канал и добрался до самого гнилого корня. «Безо всякой цензуры на Западе осуществляется придирчивый отбор мыслей модных от мыслей немодных — и последние, хотя никем не запрещены, не имеют реального пути ни в периодической прессе, ни через книги, ни с университетских кафедр. Дух ваших исследователей свободен юридически — но обставлен идолами сегодняшней моды». Поди поспорь. Ты или в тренде, или нет. И если нет, то в мнимом царстве свободы ты ощутишь себя в подлинной пустыне без права на то, чтобы быть услышанным.

Но раз все так плохо, мистер Солженицын, не хотели бы вернуться в красную Россию? Или вы нам предлагаете социализм как идеал? Такие вопросы были неизбежны и закономерно. Писатель отвечал, что социализм как модель он ни в коем случае не предлагает и не пропагандирует. Но и Запад как образец своему народу предложить бы поостерегся. Речь идет о поиске путей, а не о выборе готового. Здесь соль.

Мышление Запада бинарно: «плюс» — «минус», «хорошо» — «плохо». Но кроме «хорошо» и «плохо» есть еще «хуже» и «лучше». Ответы нужно искать, а не выбирать (сравним с тестовой системой оценивания знаний, убивающей умственные способности). Солженицын говорит, что Запад уже совсем не вождь человечества. И есть симптомы, как предупреждения. Например, «падение искусств или отсутствие великих государственных деятелей». Все это видно глазом невооруженным — на выставках и на совместных фотографиях мировых лидеров. Так что же? В духе ветхозаветных пророков Солженицын призывает Запад смириться, ровно так, как призывал смириться «гордого человека» Достоевский в Пушкинской речи. Запад привык к профессиональному анализу более, чем к пророчеству, однако настроился и замер.

Наш писатель напоминает, что «в XX веке западная демократия самостоятельно не сыграла ни одной большой войны (очевидно, что и войну с ИГИЛ, ею порожденным, не выиграет — А.Т.): каждый раз она загораживалась сильным сухопутным союзником,

не придираясь к его мировоззрению». Ценное замечание. Еще одно ценное замечание: две войны, названные мировыми, не были мировыми. Это были войны Запада на самоуничтожение! Мировые войны (говорит Солженицын) еще впереди, когда Индокитай и прочая-прочая ввяжутся в жуткую бойню, и мы таких войн еще не видели. В тех будущих войнах Западу ничего не светит. Так почему же он, этот прежний мир христианства, свободы (более — борьбы за нее), науки и искусства, так ослабел? Почему лучшие люди Запада, вдумчивые и молящиеся, говорят хором о близкой гибели? И наш писатель, в силу традиции ищущий корешков, а не вершков, в поисках ответа переходит к истории.

Он говорит об «антропоцентризме», то есть о помещении человека в центр мира, взамен изгнанного из центра Бога. Это и есть гуманизм. Пусть, говорит автор, Средневековье было жестоко и тягостно. Но гуманистическое сознание «не признало за человеком иных задач выше земного счастья и положило в основу современной западной цивилизации опасный уклон преклонения перед человеком и его материальными потребностями». Все духовное осталось за скобками. «Так и оставлены были сквозняки для зла, которые сегодня и продувают свободной». Обнаженная свобода не решает проблем человечества, но лишь рождает проблемы новые. Солженицын имеет смелость напомнить, что идея свободы родилась в христианском, а не каком-либо ином, обществе. И эта идея предполагает более ответственность, нежели вседозволенность. Не только 200 лет назад, но даже 50 невозможно было, чтобы «человек получил необузданную свободу — просто так, для своих страстей». Но с тех пор Запад успешно сбросил со своих плеч иго благое и бремя легкое, и уже никакие достижения науки и прогресса не искупят «той моральной нищеты, в которую впал XX век, и которую нельзя было предположить, глядя даже из века XIX-го».

Философский гуманизм есть предтеча коммунизма. И Маркс в 1844 году говорил, что «коммунизм есть натурализованный гуманизм». Бога вон! Человека в центр! Вот и гуманизм. И Запад с Востоком (красным) связан, ибо и те и другие — гуманисты. Только одни за частную собственность, а другие против. Одни за умеренный законами разврат, а другие — либо за разврат без ограничений, либо за безбожный и строжайший аскетизм. Родовая связь, совершенно очевидная, но не всем понятная. Мир расколот, и у двух наибольших осколков сходная болезнь. Мы, говорит автор, дети Просвещения. Просвещения феерического, яркого, но безбожного. И мы пожинаем плоды. У нас нет будущего, если мы замедлим оставаться в этой обветшалой парадигме земного счастья и несдержанной свободы.

Можно добавить сюда, без вреда, мысли Николая Сербского. Тот говорит, что Папа возгордился и обожил себя, сказав: «Я на земле вместо Бога. Я Наместник Его». Скрыто это означало: «Я и есть Бог!» Лютер восстал против этого и сказал: «Ты не Бог», — но добавил: «Мы все — боги». Началась затем вакханалия ложных богов и битва за первенство, и закончилась криком Ницше: «Бога нет! Он умер. Мы все убили Его!» Дальше — конец истории. Конец истории, ознаменованный войнами и мятежами, пожарами и грабежами. Если не будет покаяния. Вряд ли покаяние подлинное и массовое возможно на уставшем и пресытившемся Западе. Поэтому взоры мира — на Восток. Не буддистский или иной какой, а христианский — на Россию. Мир ждет света с Востока.

«Если не к гибели, то мир подошел сейчас к повороту истории, по значению равному повороту от Средних Веков к Возрождению, — и потребует от нас духовной вспышки, подъема на новую высоту обзора, на новый уровень жизни, где не будет, как в Средние Века, предана проклятию наша физическая природа, но и тем более не будет, как в Новейшее время, растоптана наша духовная». Далее — аминь и продолжительные аплодисменты.

Сказано в Гарварде, в году 1978 от Рождества по плоти Бога Слова.

Протоиерей Андрей Ткачев

«*Сашкина философия*» и другие рассказы протоиерея Алексия Аисняка

Продолжение. Начало в №37 (377)

Ровесник двадцатого века дед Семен неизменно пролеживал на печи свой тулуп. Старик лежал уже лет пять, спускался все реже и реже. самого деда такой расклад тяготил. Он устал от жизни, но гораздо больше — от безделья. Постоянно просил у внука — Иван Ивановича — хоть какой-нибудь работы. Ванька (так привычно звал его старик) с радостью нагрузил бы деда, но у того, к сожалению, со временем прибавлялась лишь тяга к работе, а силы все таяли и таяли. Правда, у старого были свои обязанности: чтоб не лежал впустую, Иван Иванович подавал ему на печь то ржавую сломанную косу наточить, то ножовку развести. Дед с удовольствием возил по косе наждачным бруском, ощущал свою причастность к хозяйству и к жизни. Его память сохраняла подробные переживания детства, первой мировой, раскулачки, отечественной и много-много всего. Однако слушать его мемуары охотников не находилось — вся семья знала их слишком хорошо. Иногда старый забывался:

— Бывало, помню, кхе-кхе, до войны ишо...
— Помолчи, старый! — раздавалось отовсюду, где пребывала незадачливая аудитория. Дед смущенно оглаживал желтую бороду, кряхтел и замолкал.

Когда Сашка опустил напившегося Юрку на кровать, дед почувал со своей печи беззащитного слушателя, который не станет возражать. С лежанки показалась его борода. Старик оглядел двоих приятелей, его глазки сузились. Должно быть, рот под бородой расплылся в улыбке — этого было не видно.

— Что, набрались? — лукавые глазки деда Семена добродушно заблестели. — Голова поди трешшн? Хе-хе-хе...

Сашка, присевший возле товарища, был трезвее, попробовал отмахнуться:

— Отстань, старый.
— Гм, кхе-кхе... молодой ты ишо, бестолковый, хе-хе, грешник. Много понимаешь...

— Кто это тут грешник? — возмутился Сашка. — Сам-то праведник, что ли?

— Не кипятись, не кипятись, и я грешник... хе-хе! Кроме Бога-то, все мы... А чево, не хочется грешником-то, ай как?

Сашка решил смолчать в надежде, что старик заткнется, а того будто прорвало:

— Помню, до войны ишо, служил в нашей церкви отец Афанасий, Царство ему Небесное, так он много про грешников рассказывал... про праведников тож, про угодников. Да... Комсомольцы его в проруби утопили. Да... На Крещение Господне, — дед приостановился, всхлипнул, вытер влажный глаз:

— Я тогда вроде вас был, ай нет, постарше. Иду со свинарника, гляжу, батюшка от службы возвращается. Я поздоровался, благословился. Тут подбежали энти, комсомол-то, наган ему к затылку и потащили на Дон, где он вот только водичку святил. «Ну что, — говорят, — поп! Спасет тебя твоя крещенская вода? Щас поглядим. Отрекайся, а то топить станем», — дед примолк, тихонько захныкал. Сашка залюбопытствовал:

— Ну и что поп, отрекся?
— Куды там! Он им от Писания что-то. Мол, верующий во Христа не умрет вовек. А они ему: «Ах ты, поповская морда! Не умрет, говоришь?!» — и в прорубь его, в крещенскую водичку. Только ноги мелькнули. А Дон в ту пору не то, как ноне, — быстрый... Плюнули энти в воду и пошли допивать. Потом и церкву грабить зачали. Я все видал, помню. Иду мимо батюшкиной хаты, гляжу — попадаю у ворот мужа дожидается, ребятишки в снегу играют. Она ко мне: «Не видал ли, Семен, отца Афанасия? Долго что не идет-то...» Я расплакался: «Не жди, говорю, матушка, не придет...»

Старик захлюпал носом. Сашка не утерпел, поинтересовался, что было потом:

— Дед, а комсомольцы?
— А что они, комсомольцы. Известно. Нализались и пошли церкву нашу грабить. Много добра повыносили. Люди всем миром на утварь собирали, по копеечке, по полушке. Там в алтаре и чаша была золотая, с камнями, и кресты, и ризы на образах золотые. Всё энти тогда повынесли. Один, тогда было, из револьвера по угодникам стрелял, что на стенах писаны.

Всё в лики метил, в глаза. Другой тогда же полез на купол, крест своротил и на землю скинул...

— Ну и?...
— Что?.. Кхе-кхе... Всех Господь прибрал... Скорехонько. Который батюшку утопил, в ту же зиму на тракторе под лед провалился. Который в лики стрелял, в лицо две пули получил. Участковый, ай энтот, полномочный тогда лютый был, в краже колхозного зерна его заподозрил. Ну и не разобрамшись, прямо на сходе, две пули ему из нагана — промеж глаз. Понятно, пьяный. А который крест своротил, тот снова забрался на столб

лепродуктор вешать и сорвался. С полгода, кажись, со сломаным хребтом провалялся. И отошел без покаяния... Ох...

— Странные какие-то случаи... — удивились приятели.
— Дык... не случаи, хлопчики. Бог ведь их наказал, окаянных. Как же это можно Его самого поносить и дом Его грабить? Это он кротким христианам — Милостивый Отец, а изуверам — ох, не дай Бог что такое...

Здесь у деда Семена исчерпались на разговоре все силы, он умолк. Минуту спустя с печи послышался его тихий храп.

Поправляться «после вчерашнего» приятели любили у реки. У них имелось свое записное место подальше от людских глаз: между диким пляжем и крутым берегом змеилась узкая, поросшая орешником и колючей ежевикой балка. Местные туда не заглядывали: «На кой? Комаров с ужами не видали, что ль?» Но если заставить себя продрастьсквозь заросли вниз, к реке, то можно приятно удивиться: сырой овраг завершался узким пляжиком, скрытым с боков высокими берегами. Этакая миниатюрная черноморская бухта. Сашка и Юрка сидели там отшельниками, поправлялись и молчали. Из голов не выходила повесть деда Семена. Только не о страшной Божьей каре они размышляли. Хворые головы грезили церковным золотом. Каменья, кресты, иконы, чаши...

— Как мы сами не доперли? Давно надо было бы в нашей церкви «подежурить». Золото лежит без толку. Ни охраны, ни ментов...

— Точно. Купим по машине. Я «девятку» хочу, как у комсорга, — пропел Сашка.

— Ну и дурак! — отрезал Юрка. — Если там и правда, как дед говорит, то мы по «Мерседесу» отхватим. Понял?

— Понял...

Парни бредили «Мерседесами» до заката. По Дону шли корабли. Буксиры натужно толкали груженные щебнем баржи против течения, коптили солярой небо, будто кряхтели от натуги. От каждого судна разбегались волны. Они лизали приятелям пятки, баюкали шелестом. Вода у берега на время мутнела... Засветились бакены. На середине реки, справа и слева, покраснели точками их глазки. За спиной, на круче, замигал зеленый маячок. Темно-синий Дон не спал. Вдали, за речным поворотом, кто-то на корабле баловался прожектором. Его луч шупал сельские хаты на левом берегу и бескрайний черный лес на правом. Медленно наступала короткая летняя ночь.

Юрка хранил свой рабочий инвентарь под сиденьем мотоцикла. Там покоился набор отмычек, монтировка и пара фонариков, на всякий пожарный. Странно, но «Ява» не завелась. Возиться с ней приятели не стали — бросили до утра в мешки, забрали инструмент и двинули пешком. Храм высился на лужайке у кладбища, на сельском отшибе. Тати перемахнули через ограду и разбили фонарь на столбе у паперти. Сковырнуть наружный замок оказалось сущей безделицей. Они вошли в притвор. Здесь немногим дальше провозились со второй дверью, но и та вскоре сдалась. Войдя внутрь, парни оробели — фонари не доставали жидкими лучиками ни до верхних сводов, ни до алтаря. Темно, тихо. Каждый шорох и скрип гулко виснет где-то рядом. Пробирает дрожь. Сашка заскулил:

— Слышь, Юрец, может, ну его... давай домой, а?
— Придурок, тут рядом золото...

Воры осторожными мелкими шажками двинулись в глубь храма. Когда фонарные лучи уперлись в иконостас, оба осмелели. Пинком снесли царские врата и ввалились в алтарь. После службы священник уезжал в город. Чехлил священную утварь на жертвеннике и накрывал престол. Приятели сорвали престольную накидку, расстелили ее на полу и принялись укладывать на нее все блестящее, что отыскивалось. Туда попало все, о чем говорил дед Семен: и на престольный крест, и чаша. Евангелие в блестящем окладе, кое-что такое, чему приятели и названия не знали. Вот только икон с камнями жулики не нашли. Ну и так довольно. Заявляли накидку с добром в узел и решили смываться. Случайно Сашкин фонарик скользнул по застекленному образу Спасителя на горнем месте и выскользнул из задрожавшей руки:

— Юрец, Он смотрит!!
Юрец поднял фонарь, вложил в трясущуюся Сашкину руку.
— Ты чё, сдурел? Кто смотрит? — и осветил грозный лик Царя Славы. На мгновение ему померещилось, что Сашка не врет. Спаситель смотрел на разбойников строго, прямо в глаза. Этак, будто через окно с солнечной улицы в темную хату. Юрка переборол себя:

— Не дрейфь. Это всего-навсего доска. Смотри! — он схватил стоящую поблизости диаконскую свечу и треснул по иконе. Стекло брызнуло во все стороны, и лик Спасителя показался приятелям еще более суровым. По Юркиной спине пробежали мурашки. Он собрал всю свою волю и принялся лупить деревянной диаконской свечой по иконе, пока та не упала ликом вниз. Тут страх немного отпустил. Сашка склонился над побитым образом и прошепел:

— Ну чё, догляделся?
Потом пнул икону так, что полетели щепки.

Знойным днем, когда в городе под ногами плавится асфальт, в маленькую антикварную лавочку у автостанции вошли два парня в черных очках. Посетителей не было, если не считать одного великовозрастного типа с панковской стрижкой. Впрочем, и он скоро убрался. Когда за ним затворилась дверь, Юрка приподнял очки и что-то шепнул маленькому лысому торговцу, кивнул на дорожную сумку в Сашкиных руках. Лысый пригласил обоих в подсобку. Там он уселся за обшарпанный верстак, какие бывают в часовых мастерских, включил лампу, нацепил окуляр:

— Ну-с, где же ваше золотишко?

Сашка распахнул сумку и с грохотом вывалил на стол скупщика все ее содержимое. Лысый взял было крест, поднес его поближе к свету, но тут же фыркнул и отложил. То же самое он проделал с чашей и прочими предметами.

— Издеваетесь, господа-товарищи? Где золото? Это же штамповка, конвейер.

Лавочник царапнул шилом по окладу Евангелия:

— Это даже не позолота. Так, ерунда какая-то.

Приятели попытались возразить, но скупщик горячился все больше и больше:

— Иди-ка сюда, погляди! — поманил пальцем Юрку.
Юрка склонился над верстаком, лысый ткнул коротким пальцем в гравировку на кресте:
— Читай, если грамотный!
Юрка промямлил:
— Тысяча девятьсот восемьдесят восемь. Тысяча лет крещения Руси.

— А здесь? — торговец повернул крест торцом.
— Софрино. Мастерские Московской Патриархии.

Приятели молчали, конфузились.

— Я у вас, конечно, не буду спрашивать, где вы все это спер... надыбали. Вот только чую, что пахнет здесь неладным. Забирайте свое добро и проваливайте. Это не стоит ни шиша! Вы у меня не были. Если что — сдам. Ха! «Золотишко берете?» Тоже мне...

Понурые приятели побрели к автостанции. Взяли билеты. До автобуса оставалось немного времени, и они заглянули в буфет. После ста граммов под карамельку стало не так досадно. Они сидели на парпете у посадочной платформы, курили и смотрели, как при полном безветрии дым виснет в жарком воздухе. Душила обида. Хотелось плакать. В сизом дыму расплывались силуэты «Мерседесов». За стоянкой ЛАЗов валялась дохлая собака и над ней колдовали мухи.

До посадки оставалось еще минут семь, когда друзья решили посетить уборную. Общественный сортир высился метрах в двухстах от платформы, возле гаражей. Парни вошли в злобонное помещение. Там на корточках сидела грязная панкота и попыхивала самокрутками. Среди них был и тот, с которым они виделись в антикварной лавчонке. Он обрадовался вошедшим, как родной маме:

— Зырь, братва, башли сами к нам пришли!
Обкуренные панки вмиг окружили вошедших:
— Чё, сынки, кармашки выворачиваем!

Сзади Сашки выход загородило помятое существо с зеленым ирокезом. Сашка стремительно развернулся, боднул его в переносицу, путь на секунду открылся. Оба друга выскочили из сортира и бросились в гаражную улочку. Панки опомнились и кинулись за ними. На бегу они извлекали из-за пазух арматуру, цепи и кастеты. Сашка с Юркой недолго петляли в незнакомом гаражном лабиринте, скоро оказались в кирпичном тупике. Они вжались спинами в глухую стену и с ужасом смотрели на приближающуюся вооруженную толпу.

— Ну вы и бегае. Спортсмены что ли? — сквозь одышку изрек тот, которого видели в лавочке. — Хряка нашего покалечили, козлы, придется ответить!

Хряк улыбался. Кровь из разбитого носа капала на выгравшии череп на его растянутой футболке. В его руке блестел стальной прут.

— Мы же вас, козлов, срисовали, когда вы в лавку вошли. Сдавать что-то приезжали, значит бабки есть. Есть?

Приятели отрицательно замотали головами.
— Они еще и дядю решили надуть? Мама не учила, что обманывать нехорошо? А ну, Хряк, пошмонай.

Хряк подскочил к Юрке, запустил руку в его карман. Юрка его оттолкнул.

— Ах ты, падла! — и Хряк стукнул Юрца прутом по переносице. Тот упал.

— Гы-гы! — Хряк склонился над Юркой, схватил его за волосы и несколько раз остервенело треснул по лицу своим прутом:

— Гы-гы! Он, кажись, сдох!

Обезумевший Сашка бросился сквозь толпу, но панки сбили его с ног и пинали, пока не устали. Переведа дух, Хряк плюнул на окровавленный Сашкин труп и процедил:

— Ну чё, козел, добегайся? — пнул его еще раз.
Убийцы обыскали мертвецов, выскребли из их карманов мелочь, забрали сумку и отправились отдыхать в парк.
Знойным днем всех манило в тени.

Продолжение следует

Отметник

Поведал авва Евсевий, пресвитер лавры Раифской: «К некоторому из здешних старцев пришел бес в образе монаха и постучался в двери келлии. Старец отворил двери и сказал пришедшему: «Сотвори молитву». Пришедший сказал: «И ныне, и присно, и во веки веков, аминь». Старец опять сказал ему: «Сотвори молитву». Бес опять сказал: «И ныне, и присно, и во веки веков, аминь». Старец сказал ему в третий раз: «Сотвори молитву». Бес и в третий раз сказал: «И ныне, и присно, и во веки веков, аминь». Тогда сказал ему старец: «Так скажи: слава Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков, аминь». Бес, услышав это, исчез, как бы опаленный огнем».

Авва Зенон, ученик аввы Силуана, говорил: «Кто хочет, чтоб Бог скоро услышал молитву его: тот, когда встанет для совершения ее и прострет руки горе, прежде всякой другой молитвы, даже прежде молитвы о душе своей, да принесет молитву о врагах своих, и ради этого Бог услышит всякую молитву его».

Пришли однажды к авве Зенону братия и спросили его: «Что значит написанное в Иовe: «Небо нечисто пред Ним» (Иов. 15, 15)? Старец сказал на это: «Братия оставили исследование грехов своих и взялись за исследование небесного... Значение же этих слов таково: чист — один Бог: и потому Писание сказало, что небо нечисто пред Ним».

Однажды авва Исаия увидел, что брат совершает тяжкий грех; он не обличил его, сказав сам себе: «Если Бог, Который создал его, и видит это, милует его: то кто я, чтоб мне обличить его».

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь.
Главный редактор — настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: http://pokrovka-tiras.narod.ru/

Набор и верстка — на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем — 1 печатный лист. Тираж — 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!